

ЛЕВ ВЕРШИНIN

ЕВРОМАЙДАН
КТО УНИЧТОЖИЛ
УКРАИНУ?

Лев Рэмович Вершинин Евромайдан. Кто уничтожил Украину? Серия «Политический компромат»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22604652

Евромайдан. Кто уничтожил Украину?: Алгоритм; Москва; 2014

ISBN 978-5-4438-0887-1

Аннотация

Самый известный политолог Рунета впервые просто и убедительно расскажет всю подноготную украинских олигархов. Кто уничтожил Украину? Кто организовал Евромайдан? На все эти вопросы вы найдете ответы, прочитав новую книгу Л. Вершинина. Лев Рэмович Вершинин, также известный как putnik1, многие годы занимается изучением и анализом политических процессов в Украине. Его прогнозы сбываются практически всегда, а к его мнению прислушиваются на самом высоком уровне.

Содержание

Лев Вершинин	5
Глава I	5
Глава II	22
Глава III	44
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Лев Рэмович Вершинин

Евромайдан. Кто уничтожил Украину?

© Вершинин Л.Р., 2014

© ООО «Издательство Алгоритм», 2014

* * *

Лев Вершинин

Малая земля

Глава I

Гопакиада

Целина

Начнем с азов. Богатые и процветающие, хотя и постоянно разоряемые своими же родимыми Рюриковичами, оспаривавшими друг у дружки право на великий Киевский стол и прочие вкусоности, земли южнорусских княжеств после прихода татар стали Диким Полем. Не пустыней, поскольку, хотя города и лежали в руинах, какое-то все же население имелось: туда-сюда бродили кочевники, кое-где, в самых укромных лощинках, ютились особо склонные к экстремальным условиям существования хлеборобы. Считалось даже, по крайней мере, *de jure*, что на территории эти распространяется власть сидевшего в Сарае-Берке хана, но по факту, повторяю, – Дикое Поле. И только. В первой половине XIV века, однако, началась Реконкиста. Формально – литов-

ская, фактически – русская, поскольку в Великом Княжестве Литовском, ставшем после присоединения нескольких русских княжеств региональной сверхдержавой, «этнические» литовцы-аукштайты, хоть и считались элитой, однако терялись в основном массиве славянского (и, разумеется, православного) населения. Они, разумеется, не очень тому радовались, пытались как-то противостоять, но лекарство оказалось хуже болезни. Стараясь не обрусеть, «коренная» литва полонизировалась, хоть и не очень быстро, но неуклонно; попытка «православной партии» сломать тенденцию закончилась в 1435 году поражением при Вилькомире, после чего приоритет Костела в Княжестве стал фактом. Однако, смирившись с поражением, магнаты (князья русского и русско-литовского происхождения) не только сохраняли ведущие позиции при великокняжеском дворе, но и были приняты на равных знатью Польши.

К исходу XV века на правом, своими силами отвоеванном у татар берегу Днепра в руках князей Острожских, Чарторижских и прочих, уровнем чуть ниже, сосредоточилось не менее половины земельного фонда ВКЛ, а владения князей Вишневецких на левом берегу Славутича, по мнению ряда историков, превратились даже в некий зародыш теоретически возможного государства. В своих имениях, завоеванных в «частном» порядке, без всякой помощи государства и даже без официального дозволения великого князя, магнаты были, в сущности, абсолютными монархами, имели частные

суды с правом вынесения смертных приговоров, частные армии и едва ли не собственные монетные дворы. Но что правда, то правда, властью не злоупотребляли. Пустынные земли нуждались в населении, так что магнаты рассылали вербовщиков по всему свету, прельщая потенциальных подданных разнообразными льготами и, отдадим им должное, слово держали. Жилось в их владениях сытнее и даже вольнее, чем в более «цивилизованных» краях, крепостного права ни в его жутковатом польском варианте, ни в каком-либо еще не было. А что намного опаснее, чем в той же Польше (татары же вокруг!), так за все надо платить, так что новоселы привыкли пахать, не расставаясь с саблей и самопалом.

В итоге, как правило, налеты степняков княжеские дружины с помощью населения довольно успешно отражали, магнаты слыли «отцами родными», людишки ели, пили, плодились и размножались, города понемногу приходили в порядок, и уже к началу XVI века земли будущей Украины стали самыми процветающими и доходными территориями Великого Княжества. Правда, старое поколение магнатов, упорно державшееся православия, постепенно уходило со сцены, а новое, понюхавшее «европейских ценностей», все больше уходило в католики и, соответственно, в поляки, но подданным веру менять не приказывали. Обстановка в целом была нормальна, однако имелся и некий «фактор нестабильности».

Степи Северного Причерноморья даже в лучшие време-

на трудно было назвать островком мира и спокойствия. Этническая каша на пространстве от Днестра до Дона была еще та. С древнейших времен там кипел котел племен, переселенцы шли волнами с востока на запад, вытесняя прежних хозяев, кто-то уходил, кто-то оставался, подчинившись новым владыкам, а потом и победители сами становились побежденными. Остатки древних сарматов, аланы, адыги, роль потомков булгар и хазар, а тем паче – более поздних пришельцев типа «черных клобуков» (каракалпаков, между прочим), торков и берендеев, бежавших по разным причинам из родных мест, осевших под боком у Руси и, не имея сил воевать, ушедших под русский «зонтик»... Короче, те самые бродяги-«бродники», которых позже Грушевский назовет «українською людністю», хотя в те времена понятия «Украина» еще и в проекте не было.

На самом деле, о бродниках, не оставивших о себе ни материальных, ни письменных источников, мы ничего толком не знаем. Кроме (как из русских летописей, так и из византийских, венгерских и польских документов) того, что они были, делили степь с половцами («Cumania et Brodnice terra...»), быстро обрусели и были истово православными. Настолько истово, что папские легаты, в XIII веке пытавшиеся учить степняков «правильной» вере, вернувшись, огорченно докладывали Святому Престолу: не выходит, дикари «весьма верны схизме». А потом бродники исчезли. Зато появились «казаки». Что на всех тюркских языках означает од-

но и то же — «вольные, не имеющие хозяина люди». Термин, кстати, ни в коем случае не связанный с конкретным этносом, а собирательный и достаточно многозначный; к примеру, тогда же «казаки» (звучало слово чуть-чуть иначе, но это чистая фонетика) объявились и на востоке Великой Степи, где несколько кипчакских родов ушли из-под власти Шейбанидов, основав собственную, *Казахскую*, Орду. Что же до наших баранов, то их новое имечко возникло, скорее всего, в недрах татарского военного ведомства, как определение наемных отрядов, состоящих из всякого рода добровольцев, нанимавшихся на временную службу (в отличие от «огланов», профессиональных воинов, и «сарбазов», подданных хана, подлежавших призыву).

Орде казаки служили честно, однако в силу религиозных разногласий льнули чем дальше, тем больше к литовско-русским магнатам, оседая в пределах их владений или поблизости, чему те, учитывая сложности жизни на фронтире, были только рады. Некоторые нанимались в магнатские дружины, расплачиваясь службой за землю и покровительство, большинство предпочитало вести вольную жизнь на степных хуторах («зимовках»). Однако «вольная» не означает «спокойная». Большая Орда распадалась, в Диком Поле начался новый передел сфер влияния, пастбищ, колодцев, короче, дрались все со всеми и по всем поводам. Набеги и междоусобицы стали нормой жизни, никто не были ни лучше, ни хуже, и казачество было полноценной составной этого хаоса, ни от

кого не прося поблажек и никому их не давая. А поскольку один в поле не воин, приходилось понемногу организовываться по-новому. Укрупняться, так сказать, и структурироваться. Возникли сторожевые городки («сечи»), очень похожие на «засеки» XI–XIII веков, где несли постоянное дежурство гарнизоны («коши») – полная аналогия с татарскими «хошунами», от них и взявшие название. Причем наряду с солидными «зимовыми» казаками, ездившим на сечи вахтовым методом (на периоды весенне-осенних обострений активности кочевников), появились и «кошевые» казаки, жившие на сечах постоянно. Позже они сами объявляют себя «солью казачества», но по факту был это либо молодняк, доказывавший себе и взрослым, что не лыком шит, либо социальные отбросы, не способные к нормальной жизни и признававшие только свои, параллельные писаному закону понятия. В частности, обязательными условиями для приема в кош на постоянной основе были отсутствие семьи и какой-либо собственности, изучение особого внутреннего языка («фени»), обязательное получение особого имени (клички), как правило, весьма показательной, типа «Беда», «Убийбатько», «Волоцюга» и «Перебий-Нога». Короче говоря, все признаки одинакового во все времена криминального сообщества. В том числе и традиция (идущая, впрочем, еще от бродников) спокойного восприятия чужаков, неважно, какого роду-племени, но при обязательном условии принятия ими православия. Учитывая контингент, яс-

но, что кроме основных «понятий», регулирующих жизнь на предмет предотвращения полного беспредела, была крайне изменчивая воля «толковища» (круга). «Всенародно избранных» атаманов по малейшей прихоти и, как правило, спьяну (трезвых в спокойные времена почти не водилось) меняли как перчатки, а то и рвали на куски.

Единственное, но очень важное отличие «сечей» от современного им парижского «Двора Чудес» или позднейших воровских малин, приближающее их, скорее, к пиратским базам Карибского моря вроде Тортуги, была, в связи с перманентной степной угрозой, перманентная же мобилизационная готовность. В период военных действий власть «авторитета» – атамана – была диктаторской; за попытку вручить ему «черную метку» в походе ставили на перо без базара. При этом справедливости ради отметим: «военное время» подразумевало не только защиту от «злых татаровей»; казаки и сами были крайне малоприятными соседями, так что определить, кто кого обижал больше, достаточно сложно. И те, и другие жили набегами. Однако, как бы то ни было, в итоге казачество все-таки прикрывало южные рубежи Великого Княжества и в этом качестве приносило несомненную пользу. В связи с чем чуть позже, уже во времена Речи Посполитой, правительство сочло за благо принять на службу 4000 казаков (разумеется, «зимовых»), занеся их в особый список-реестр и тем самым дав определенный юридический статус, безусловно, ниже дворянского, но и столь же

безусловно выше «хамского» (освобождение от налогов, жалование, право на сословный суд и выборное управление).

Однако основная масса по-прежнему оставалась сама по себе. Она бурлила и кипела, начав приносить уже и политические осложнения. На имения магнатов, правда, не покушались: негоже не рубить сук, на котором сидишь, да и страшновато, да и неудобно, православные все же. Иное дело – басурмане, всякие чурки гололобые. Но... Мелкие степные племена к тому времени были уже не сами по себе, а находились под властью Крымского ханства, и самого по себе совсем не слабого, да к тому же и вассала могущественной Османской Порты, весьма недовольной налетами запорожцев на кочевников и Крым. Крымцы, правда, тоже не были подарком, то и дело бунтовали, но это султанов злило намного меньше: во-первых, хоть и сукины дети, но все же свои, во-вторых, поставляли очень нужных Порте рабов, в-третьих же, что можно простить правоверному, не позволено гяуру. Стамбул злился, а Стамбул в то время кое-что очень даже значил, так что голова у Варшавы, не слабой, но полностью увязшей в европейских проблемах, болела нешуточно. К тому же в свободное от терок с татарами время «сечевики» ежегодно чудили еще и в Молдове, то просто грабя, то нанимаясь на службу к очередному претенденту, а то и выдвигая своих собственных претендентов на господарский престол (Иван Подкова, чей бюстик стоит во Львове на том самом месте, где ему отсекли голову, – лишь самый известный

случай). Однако Молдова тоже к тому времени находилась во власти и, следовательно, под защитой Порты, и Стамбул злился еще сильнее. Необходимо было взять сечевиков под хоть какой-то контроль. А поскольку ни возможностей, ни средств для реализации столь сложной программы у правительства РП не было, за дело взялись «инициативники» – энтузиасты с образованием и связями – младшие отпрыски достойных фамилий, мало отличавшиеся от своих испанских современников-конкистадоров и дико им завидовавшие.

Кто был первым, сказать трудно, но считается, что знаменитый Дмитрий «Байда» Вишневецкий, самый настоящий князь, из Гедиминовичей. Так и сяк пытаюсь выкроить себе удельное владение, он какое-то время метался между Варшавой, где не обломилось, и Москвой, где обломилось, но приходилось держать себя в руках, что герою было совсем не по нраву. В связи с чем, плюнув на неласковых монархов, в середине XVI века построил на острове Хортица первый серьезный укрепленный пункт, убедил казаков, что это хорошо, «пробил» в Варшаве идею реестра и сумел сделать степную демократию хоть сколько-то управляемой. После чего погиб в борьбе с турками. Но дело его не пропало даром: уразумев, что к чему, вслед за первой ласточкой, тесня местные кадры, гуртом пошли охотники – хоть и не князья, но вполне приличные люди литвинского и даже польского происхождения: Богдан Ружинский, его брат Михаил, сын брата Кирик, Самуил Зборовский, Люциан Чарнинский, Богдан

Микошинский, Войцех Чановицкий. Не менее буйные, чем сечевые «лыцари», они, однако, сумели слегка отесать беспределыщиков и ввести их активность в сколько-то вменяемое русло. В третьей четверти XVI века запорожская пехота уже нанималась на Ливонскую войну в централизованном порядке, а на «османских» землях выполняли в основном негласные указания поляков (которые, естественно, «ничего с бандитами поделать не могли»). Даже походы в Молдову стали не просто гоп-стопом, а фактором «высокой политики» в интересах польско-молдовской династии Мовилэ. В общем, на рубеже XVI–XVII веков казачество наконец нашло свою нишу. Однако прогресс, как известно, разлагает...

Возрождение

Раньше, в старые добрые времена, казаки жили как птицы Божьи, иной доли не представляя. Теперь, насмотревшись в походах на «культур-мултур» и прочий политес, они возжелали странного. Сечевики, вплоть до последнего алкоголика, хотели по минимуму – в реестр, дающий некоторый статус и конкретное жалование, «зимовые», в реестре уже состоявшие, мечтали о большем – о некоем «почетном месте» в королевстве. По сути, о тех же привилегиях и правах, которые имела шляхта. И всем им, возможно, и не слишком верующим (суеверий там было более чем достаточно), но, бесспорно, крайне религиозным, очень не нравилось происходив-

шее в сфере идеологии. Если на протяжении всего XVI века (о XV и говорить не приходится) Польша, а тем более Великое Княжество с точки зрения веротерпимости были едва ли не образцово-показательными примерами полной толерантности, то к началу 17 столетия ситуация изменилась полностью. В Европе лоб в лоб столкнулись Реформация и Контрреформация, Речью Посполитой, одним из ключевых, фронтирных государств, вплотную занялись мудрые и прозорливые иезуиты, очень быстро превратив ее в «жемчужину папской короны», буквально размазав по земле довольно-таки многочисленных и активных протестантов. Сокрушая «ересь», не забыли и о «восточной схизме»; православие, до тех пор хотя и «второсортное» с точки зрения властей, но терпимое и даже уважаемое, было лишено всех прав, не говоря уж о привилегиях, и фактически ушло в полуподполье; остававшихся в «отеческой вере» разве что не жгли, но и только. Батюшки просили казаков о поддержке, те, считая своим долгом вступаться за православие, откуда бы ни исходила угроза, пытались воспротивиться, внимания на их протесты никто не обращал.

Социальные обиды, помноженные на идеологию, – смесь взрывчатая. Не сумев добиться своего по-хорошему, «лыцари» взяли за сабли. Первый блин, впрочем, оказался комом: мятеж одних только запорожцев во главе с Криштофом Косинским был относительно легко подавлен войсками князя Острожского при активной помощи реестровых,

полагавших, что желаемое можно добыть и по-хорошему, а сердить ляхов попусту ни к чему. В подавлении отличился сотник «княжеских» казаков Северин Наливайко, после драчки с Коссинским на полтора года ушедший в Молдавию порезвиться, а затем вызванный оттуда братом, священником Демьяном, на предмет показать католикам, где раки зимуют. Бунт, задуманный руководством Наливайки-младшего как демонстрация обиды, неожиданно оказался запалом к настоящей войне: население края при первых же выстрелах принялось жечь имения и резать католиков, а заодно и всяких примкнувших к ним нехристей. К событиям подключились сперва запорожцы, почуявшие поживу, затем реестровые, уловившие возможность политического демарша, а в итоге ситуацию пришлось разруливать аж коронному гетману Станиславу Жолкевскому, хоть и с трудом, но вытеснившего мятежников на левый берег и там взявшему в «мешок». После чего мятежники сперва передрались между собой (реестровые хотели мириться, запорожцы боялись), а затем выдали Наливайко на расправу, что, впрочем, не спасло от расправы их самих. Короче говоря, в Речи Посполитой разгоралась нешуточная гражданская война. Но повезло. Кризис в соседней России дал Варшаве пространство для маневра. Сбросив самые буйные элементы на поиски удачи в соседнюю страну «добровольцами» при обоих «Дмитриях», она затем, уже при непосредственном вторжении Сигизмунда, «подписала» остальных послужить королевскому делу в

богатой и слабой стране. Чем «лыщари» и занялись поголовно, не особо мороча себе голову такими мелочами, как православное братство, вплоть до соучастия в разгроме и сожжении Москвы, откуда потом, правда, пришлось драпать, а еще позже, когда ситуация изменилась, просить прощения.

Несколько следующих лет Польша, нуждаясь в казаках, в целом не мешала им жить по понятиям, даже соглашалась на некоторые компромиссы. На Днепре появился вменяемый лидер Петр Конашевич ака Сагайдачный, человек весьма талантливый и со всех сторон солидный, попытавшийся превратить отморозков в нечто удобоваримое, в перспективе, видимо, даже в некое военно-политическое сословие с внятно формулируемыми задачами. Он отрубил головы особо буйным запорожцам, чем сильно удивил остальных, весьма его в итоге зауважавших, впервые подчинил Сечь власти реестрового гетмана, оказывал покровительство мещанству и духовенству, добился восстановления Киевской митрополии, при этом оставаясь лояльным подданным польской короны, более всего мечтающим о статусе полноправного шляхтича, а еще лучше, само собой, магната. Именно он в 1618-м жег единоверную Москву под знаменами королевича Владислава, в 1621-м совместно с поляками остановил под Хотином турок, выговорив за это увеличение реестра вдвое (до 8 тысяч). Однако когда дело было сделано, реестр – под благовидным предлогом, разумеется – был вновь урезан, что в итоге привело Сагайдачного к инфаркту, а казаков в бе-

шенство. В 1625-м дело дошло до открытого столкновения у Курукового озера, после чего Варшава, решив не обострять, пошла на компромисс с реестровыми (амнистия + увеличение реестра до 6000), но, естественно, категорически отказалась от уступок всем прочим. А привилегий и, главное, жалованья хотелось всем. В итоге возник странный, сам себя учредивший тяни-толкай по имени «королевское нереестровое войско запорожское», учинивший в 1630-м очередной мятеж. На сей раз, с учетом опыта Косинского и Наливайки, позвав «на общее дело» самые широкие слои населения, недовольные уже не только зажимом «отеческой веры», но и ростом панских претензий. Не имея достаточно сил (только-только завершилась война со шведами и началась война с Россией) и реально оценив затраты на подавление, польское правительство пошло на хотя и весьма умеренный, но все же какой-никакой компромисс. Реестр увеличили до 8000, как при Сагайдачном, а в 1632-м на сейме в Варшаве официально признали право на существование «восточной церкви», утвердив митрополитом Петра Могилу, иерарха толкового, в равной степени преданного и православию, и Варшаве (он был представителем молдавской линии уже упоминавшегося рода Мовилэ). Однако далее лежала красная черта. Ни о каких политических правах, тем более ни о каком допущении в сейм или хотя бы признании казачества особым военным сословием Варшава ни говорить, ни даже слышать не желала.

Между тем вопрос стоял намного жестче, нежели за 30 лет до того. Если Косинский и Наливайко хотели только жалования, послаблений в религиозных вопросах и чтобы их уважали, то в первой трети XVII века речь шла уже о самом главном — о земле. Право безоговорочного владения землей в Речи Посполитой принадлежало магнатам и шляхте, естественно, католикам. Православные, даже очень зажиточные и заслуженные, были связаны кучей условий, юридических закорючек и стойких предубеждений власть имущих, а вырваться в люди, приняв католичество, в те религиозные, трудно для нас понятные до конца времена было вариантом далеко не для каждого. Беспокойство за свои земли, расположенные на берегах Днепра, усиливалось тем более, чем яснее реестровые понимали, что теперь, когда (согласно Люблинской унии) Киевское княжество отошло от Литвы к Польше, миграция польской шляхты на *periferia* (фактически мирный крестовый поход за торжество «истинной веры») чревата конфискацией земель у туземцев, что бы ни говорили на эту тему законы. А понимая, пытались получить от властей гарантии в виде все того же фиксированного статуса. Мотивируя тем, что, типа, оружие, тоже носим и воюем не хуже шляхты, так почему?!

Что интересно, на самом-самом высшем уровне претензии эти особых возражений не встречали. В конце концов, они были справедливы: «зимовые» требовали ровно того, чем обладали и что защищали. Кроме того — и глав-

ное! – пойдя навстречу, корона получала бы свое, собственное и достаточно неплохое войско, опираясь на которое могла бы противостоять магнатам, понемногу лишаящих королей власти. Однако именно по этой причине все шевеления монархов из династии Ваза (и Сигизмунда, относившегося к казакам спокойно, без особых предубеждений, и Владислава, открыто им симпатизировавшего) в этом направлении немедленно блокировались олигархией. Магнаты-сенаторы вовсе не собирались «законно» уступать реестровым земли, которыми те, хотя и считали своими, но юридически владели в основном на правах аренды. Мелкая же шляхта, мечтавшая получить поместья на *periferia* на правах магнатских вассалов, заранее ненавидела «схизматиков», не по праву владеющих ее будущим имуществом. Так что, не говоря уж об «уравнивании в правах», вопрос о чем ни разу не ставился на рассмотрение, даже расширения реестра, обещанного под Москвой лично Владиславом, королю добиться не удалось, и многим «нереестровым» пришлось вновь становиться либо уходить «на низы», либо возвращаться «под пана», а для контроля и учета польское правительство построило на Днепре крепость Кодак. Ее, правда, разрушили сами же реестровые, затем откупившись головой лидера, Ивана Сулимы (быть вождем казацких бунтов в этом смысле было очень опасно, мне лично трудно понять психов, решавшихся на такой подвиг), но сломать тенденцию не смогли. Даже огромное, потрясшее весь край восстание 1637–1638 годов

окончилось хуже некуда. Речь Посполитая поднапряглась, повстанцы, несмотря на упорство, пару раз граничившее с героизмом, были в полном смысле слова растоптаны, а вожаки, кто не успел сбежать от собственного войска, были выданы на расправу. Репрессии, насчет которых поляки и раньше особых комплексов не испытывали, на сей раз были по-настоящему массовыми и невиданно жесткими (впрочем, не более жесткими, чем шалости инсургентов); уцелевшие мятежники толпами уходили в спасительную Россию, оседая, с разрешения Москвы, на землях будущей Харьковщины, а окончательные «кондиции», продиктованные Сеймом побежденным, были убийственны. Все «неформальные» запорожцы объявлялись вне закона, реестр сокращался до 6000, войсковое самоуправление упразднялось «на вечные времена», высший командный состав отныне комплектовался Варшавой, естественно, из католиков, поляков, а средний и низший – из самых проверенных и надежных туземцев – назначали комиссары Сейма. В крае наступил период мира и покоя, названный позже «Золотым десятилетием».

Глава II

Война и миръ

Униженные и оскорбленные

Покой на малороссийских украинах (как предпочитали говорить в Варшаве на Kresach Wschodnich) был обманчив. Даже отцы-иезуиты, цену мелочам знавшие и не пренебрегавшие ничем, увлекшись «просвещением элит», упустили из виду некоторые весьма важные нюансы ситуации, которая не устраивала решительно всех. Довольны жизнью были разве что магнаты. Но они, считавшие себя «эуропейцами», а всех прочих, православных и русскоязычных, – *bydlem*, были уже отрезанным ломтем, да и жили в основном в Варшаве, Кракове и других цивилизованных местах, редко появляясь дома. Все прочие балансировали на грани взрыва. Крестьяне, до сих пор жившие по традиционным, достаточно мягким «литовским» статутам (пахарь лично свободен, прикреплен лишь к земле, которую обрабатывает; размер оброка и панщины четко зафиксирован; претензии к пану рассматриваются в суде), не принимали новые, польские нормы, согласно которым *chlór* считался движимой собственностью, а феодальное право по жесткости почти лидировало в Евро-

пе, отставая разве что от Венгрии и Германии, где после подавления бунта куруцев и Великой Крестьянской войны хозеява отыгрались за пережитый страх по полной программе. Крайне раздражал селян и «еврейский вопрос». Если ранее руководителями низового уровня были «свои», с которыми при случае можно было и договориться по-хорошему, то с ростом польского влияния во владениях магнатов появились евреи, постепенно взявшие на себя функции экономов и распорядителей. Ничего криминального в этом, строго говоря, не было. В Польше евреев привечали, поскольку тамошнее общество, жестко разделенное на крестьян и воинов, нуждалось в ремесленниках, торговцах и всякого рода специалистах, но при этом немцам не доверяло. Вполне логично со стороны панов было пригласить евреев и на Kresy. Однако деловая хватка новых управляющих, выжимавших для пана максимум дохода, не забывая, разумеется, себя, и при этом совершенно чужих очень сильно осложняла «поспольшту» и так с каждым годом все более мрачневшую жизнь. Вполне разделяли мнение села и мещане: во-первых, права и привилегии, автоматически и в полной мере распространяющиеся на католиков, для православных были предметом недостижимой мечты, а во-вторых, оседавшие в городах еврейские купцы и торговцы оказались весьма опасными конкурентами, к тому же еще имеющими неплохие связи.

Апокалиптические настроения в обществе тихо, но активно подогревало духовенство, оскорбленное своей второсорт-

ностью, предельно отрицательно оценившее массовую миграцию «нехристей» и опасавшееся иезуитов, всю охмуравших паству, вовлекая ее, если и не прямо в католичество (тут иммунитет был серьезный), то в новоявленное униатство (подробнее об этом мы поговорим чуть позже). Причем следует отметить, что не только по меркантильным соображениям. Вопросы вероисповедания в те времена были для людей очень насущны и болезненны, а поскольку большинство «простецов» были, как говорилось в те времена, «обрядоверами», в их понимании, в Рай или в Ад пойдет после смерти душа, зависело от малейшего канонического нюанса. «Грекокатолический» же проект каноническим не был, более того, насквозь пропах политикой. А коль скоро так, то получалось, что души, попавшие в сети униатов (а уж уговаривать они умели), после смерти обрекались Пеклу, что мало волновало миссионеров из Ватикана, но никак не устраивало православных иерархов, чувствовавших ответственность за свою паству. С каждым годом все больше и больше психовали запорожцы. Репрессии 1637–1638 годов их напугали очень крепко, однако на Сечь постоянно бежали крестьяне из числа бывших «нереестровых», Сечь же была не резиновая, а насчет сбросить излишки, отправив их пограбить турок и татар, имелся строжайший запрет. Нарушать который «лыцари» пока что опасались, но и терпеть дальнейшее перенаполнение своих куреней уже не могли по причинам не столько уже социального, сколь чисто физиологического ха-

рактера. Грубо говоря, жрать было нечего, а гадить негде.

И, наконец, на полном взводе были реестровые. Ранее они, имевшие что терять, в подавляющем большинстве (исключения, конечно, бывали, но единичные), даже выступая против властей, вели себя аккуратно, не сжигая за собой мосты и легчайше принося в жертву собственных лидеров, не говоря уж о «быдле». Теперь все изменилось. Позже Варшаве будет очень трудно понять, почему эти солидные, положительные и очень себе на уме дядьки с дивным единодушием изменили «короне», а затем и отказались возвращаться в лоно на тех условиях, которых добивались полвека. А между тем причины были вполне очевидны. Именно в годы «золотого покоя» началось то, чего казацкая старшина более всего опасалась и во что до последнего момента пыталась не верить – конфискации земель. Даже тех, на которые имелись, казалось бы, совершенно безупречные документы. По всему получалось, что уберечь собственность можно было, лишь поменяв веру, но при этом, став «латыной», человек терял контакты на Сечи, а вместе с ними и ценность в глазах поляков. Оказавшись в лучшем случае одним из мелких шляхтичей, кормящихся с магнатского стола, а в худшем – жертвой все тех же претензий на землю со стороны более «социально своего» приезжего поляка. В общем, на исходе «десяти лет счастья» на полном взводе были даже самые законопослушные реестровые. Вроде чигиринского сотника Богдана Зиновия Хмельницкого.

Человек и закон

Цепь событий, в итоге которых немолодой, положительный, хотя и сильно пьющий, иезуитами воспитанный и запредельно лояльный властям (даже в период массовых репрессий 37–38 годов он вышел сухим из воды, отделавшись понижением по службе) человек оказался во главе мятежа, известна хорошо. Даже, пожалуй, слишком хорошо, поскольку масса подробностей при самой минимальной критичности взгляда вызывают серьезнейшие сомнения. Согласно официальной версии «агенты чигиринского старосты во главе с подстаростой Чаплинским отняли у Хмельницкого хутор Субботов, насмерть засекли десятилетнего сына и увезли жену-польку». Однако, как указывается во всех без исключения источниках, детей у Богдана было трое – два мальчика и девочка, – и все выросли вполне благополучно, хотя ни у кого жизнь не сложилась удачно. Так что «засеченный насмерть» – просто жалостливая легенда, скорее всего, запущенная в массы пиара ради. Как и «увезенная жена». То есть польку-то увезли, да вот только была она Богдану не женой, а «воспитанницей», то есть содержанкой. Видимо, с непростым прошлым, иначе бы молодая и, видимо, красивая не стала бы жить во грехе с пожилым «схизматиком». И допустить, что она приняла православие, тоже не получается, поскольку вышеупомянутый Чаплинский позже оправ-

дывался (и оправдался-таки) тем, что не мог вынести такого унижения католички и не похитил ее, а спас, причем фактически по ее просьбе, поскольку она оказала ему честь выйти за него замуж, и они обвенчаны. В общем, как сказал по другому поводу Иосиф Виссарионович, «нэ так все было, савсэм нэ так». Дама просто устраивала личную жизнь. А вот что хутор отняли – правда. Чистая и беспримесная. Поскольку должным образом оформленных бумаг на владение у него не было, а королевский «привилей», где указывалось, что хутор подарен отцу Богдана за героизм в бою под Хотинном, серьезным документом не считался. Право на аренду давал, но не более того. А богатый и де-юре бесхозный хутор привлекал слишком многих. Так что правды сотник не нашел, добившись через суд только права на небольшую компенсацию за благоустройство владения. Начал горячиться. На пару недель угодил в кутузку. На нарах поразмыслил и, выйдя на свободу, вновь за саблю хвататься не стал, а чин чином поехал подавать апелляцию в Варшаву, благо кое-какие связи там имел, и, судя по всему, немалые, поскольку сумел добиться не только заседания по своему вопросу в Сенате, но и аудиенции короля. Сенаторы, правда, выслушав жалобу, сочувственно покачали головами: дескать, все понимаем, пан сотник, однако *dura lex, sed lex*, так что ничем помочь не можем. Зато король...

Дальнейшее, возможно, легенда. Даже если беседа главы государства с офицером пограничных рейнджеров в самом

деле случилась, проходила она с глазу на глаз. Однако логически она настолько убедительна, что очень похожа на правду, то есть скорее всего, правдой и является. Действительно, Владислава Вазу злые языки именовали «казацким крулем». С юности он имел дело с казаками, ходил с ними в походы, воевал плечом к плечу, имел среди них много знакомцев. Видимо, лично знал и Хмельницкого, иначе вряд ли дал бы ему аудиенцию по столь пустяковому поводу, как «проблема хутора». Однако важно другое. Именно в это время король, зажатый магнатами в угол и на три четверти превращенный в нынешнюю английскую королеву, в последний раз пытался вернуть утраченные полномочия. Благо, повод имелся: аккурат в то время Папа Римский призвал монархов Европы вскладчину устроить крестовый поход против турок. Выбив из Сената и сейма деньги на наем армии, можно было сходиться на войну, лично возглавив войска и приручив солдат, а затем сделать радным панам предложение, от которого они в новых условиях не смогут отказаться. Однако сенаторы тоже не идиоты, предложение короля, даром что со ссылкой на Папу, не допустили даже до обсуждения в сейме. Идея крестового похода сорвалась. Зато, если верить легенде, возникла другая, ничем не хуже. Согласно которой король, вполне согласившись, что в стране творится беспредел, и подтвердив, что хутор, конечно же, принадлежит пану сотнику, сообщил, что рад бы помочь, да не может, поскольку негодяи-магнаты и их подпевалы из сейма совсем кислород пе-

рекрыли. Ни армию нанять, ни посполитое рушение (шляхетское ополчение) против турка, всей Европе угрожающего, созвать не дают. Не сознавая даже, что первой жертвой магометан станет не кто-то, а мы, многонациональный народ федеративной РП. В общем, народ надо встряхнуть. И если пан сотник, претензии которого вполне справедливы, согласен, то почему бы ему не вернуться домой, не собрать всех верных наших подданных, многие из которых тоже наверняка обижены и наверняка несправедливо, и не устроить на украинских маленькую, но громкую заварушку? В этом случае мы, Владислав IV, просто обязаны будем созвать посполитое рушение и выступить в поход, объявив, что сразу после замирения Малой Руси идем на турок. А пан сотник тогда, в свою очередь, как добрый христианин, заявит, что на фоне такой великой цели, как усмирение Османов, все домашние дразги неуместны, соединит свои силы с королевскими, естественно, получив полное прощение, и...

Пану сотнику все ясно?

Пану сотнику было ясно все. В первую очередь, что шанс вернуть хутор, а то и получить второй налицо. Возможно, он потребовал гарантий. А возможно, и нет: у короля в казачьей среде была хорошая репутация. Еще раз повторяю: прямых доказательств того, что в ходе аудиенции, которая, безусловно, имела место, состоялся именно такой разговор, нет. Однако все, происшедшее в дальнейшем, подтверждает: дело было именно так. Или примерно так. Поскольку всего

два месяца спустя после отъезда из Варшавы пан Хмельницкий объявляется на Сечи, причем не один, а во главе целого отряда реестровых – таких же немолодых, опытных и лояльных, как он сам, из тех гололевских дядек, что, прежде чем отрезать, думают не семь, а семь раз по семь раз, производят перед срочно собранным кругом длинную речь о засеченном насмерть сыне, украденной жене, зарвавшихся магнатах, ненасытных поляках, подлых сенаторах, не дающих королю возможности заботиться о своих верных подданных, турецкой опасности, которой необходимо противостоять и православной вере, которую нельзя оставить в беде. Коротче говоря, о наболевшем. И под восторженное одностайное «Любо!» становится гетманом Войска Запорожского.

Гуляй, поле!

Вся зима 1647/48 года ушла на подготовку. Запорожцев обучать нужды не было, многочисленных беглецов, порскавших в камышах вокруг Сечи, зазывали и спешно муштровали, с реестровыми все было давно обговорено, и они посулили примкнуть при первой возможности (что и сделали еще до первых стычек). И все-таки сил было отчаянно мало, на все про все – тысяч 15–18 пехоты и совсем чуть-чуть конницы. А между тем «кварцьяное» (содержавшееся за счет дохода с четверти – «кварти» – королевских имений, но подчинявшееся Сенату) войско, размещенное на «крессах», хотя

и было невелико, вместе с отрядами местных магнатов насчитывая примерно столько же, но для подавления казачьего бунта, как показывала история, этого хватало с лихвой. Профессиональная кавалерия есть профессиональная кавалерия. Однако о поражении лучше было не думать: традиция реестровых выкупать свои жизни, выдавая лидеров, была известна Хмельницкому очень хорошо. То есть победить один на один было невозможно, а для того чтобы раскачать массы и утопить качество в количестве, необходима была победа. Вернее даже, серия побед. Отдадим Хмельницкому должное: в отличие от предшественников он умел мыслить парадоксально. Если конницы нет, но очень нужно, значит, будет. И совершенно неважно, что татарская. Благо, имелся и полезный «контакт» – перекопский мурза Тугай-бей, кунак Богдана с юности, когда кто-то из них у кого-то (конкретика неведома), попав в плен, жил в доме, ожидая выкупа. Так что за конницей дело не стало. Правда, платить воинам Тугай-бея на первых порах было нечем, но разве друзья обращают внимание на подобные мелочи? В конце концов, в малороссийских селах проживало вполне достаточно красивых дивчин, крепких хлопчиков и прочего полезного товара, весьма ценящегося в Стамбуле, где нужда в дивах для гарема и мальчишках для пополнения янычарского корпуса, корпорации евнухов или галерных экипажей стабильна и непреходяща. Обычно казаки мешали татарам. Но ведь можно же и не мешать? На том и поладили.

Для поляков же know-how Хмельницкого/Тугай-бея оказалось неприятным сюрпризом. Их план, основываясь на опыте боев 1630, 1637 и 1638 годов, а также разведданных о крайнем дефиците у бунтовщиков конницы, предполагал выдвижение двумя колоннами и окружение пехоты противника. Когда-то с отрядами Наливайко на Солонице и скопичами Острянина под Голтвой эта метода вполне сработала. Но сейчас все случилось совсем не так. Сперва, 6 мая 1648 года, угодив в засаду близ Желтых Вод, был наголову разбит авангард «кварцяных», затем, 15 мая, при тех же условиях (засада, количественный перевес, невесть откуда взявшаяся орда) та же судьба постигла под Корсунем главные силы. Коронный гетман (министр обороны) Миколай Потоцкий и польный гетман (командующий особым военным округом) Мартин Калиновский, попав в плен, были угнаны татарами. И вот после этого полыхнуло не на шутку по всему Левобережью. Стихийно возникали партизанские отряды, крестьяне массами «оказачивались». Началась резня, хоть и в какой-то мере осмысленная, но от этого не менее беспощадная. Избавляя читателя от жутких, гарантирующих пару-тройку бессонных ночей подробностей, скажу лишь, что резали (в лучшем, наиболее гуманном варианте) все пшекающее и картавящее, без различия пола, возраста, рода занятий и имущественного положения. Попавшие в плен к гуманным татарам, продававшим живую добычу в рабство, даже оказавшись гребцами на галерах или евнухами, могли считать

себя счастливчиками. Но сантименты сантиментами, а к концу июля 1648 года поляков на левом берегу уже практически не осталось, а в конце августа Хмельницкий, перейдя Днепр, взял под полный контроль Брацлавское, Киевское и Подольское воеводства. Зачистка малороссийских территорий Речи Посполитой завершилась в рекордные сроки, программа-минимум была выполнена. Пришло время короля.

Однако человек предполагает, а Бог располагает. Владислав IV, козырный туз игры, умер 20 мая. Идея крестового похода угасла сама собой, и Хмельницкий оказался в крайне интересном положении. Имевшиеся договоренности скисли, говорить теперь было не с кем и не о чем, временное правительство, плохо понимая, *что* происходит на *periferia*, собирала войска; оставалось только драться, уже не за хутор, а за жизнь. Благо, денег полякам было жалко, так что качество личного состава собранного ими войска было невысоким, а уровень руководства вообще ниже нуля. Самым боеспособным соединением была частная гвардия князя Вишневецкого, «сильного человека Речи Посполитой», но Сенат, опасаясь отдавать армию в твердые руки, доверил ее трем полным ничтожествам, еще и лишив их права единоначалия. Закономерным итогом стал полный разгром поляков под Пилявцами 10–13 сентября и молниеносный захват казаками Правобережья. Наступление Хмельницкого застопорилось лишь в октябре, когда гетман, осадив Львов и Замостье, застыл. Что и понятно: дальше ноты написаны не были вообще. То есть

взять Львов, а потом и Варшаву проблемы не составляло: ни армии, ни короля у Речи Посполитой не имелось, беззащитную страну можно было ставить раком и диктовать любые условия, вплоть до признания полной независимости. Однако это не входило в партитуру. В это время Хмельницкий, добившись того, о чем не мог и мечтать, явно не знает, что делать. Будь жив Владислав, все бы сладилось, но Владислава нет, приходится импровизировать на ходу. Львов для гетмана – город однозначно польский, взять его означает из сильно нашалившего верноподданного превратиться в государственного преступника. Поэтому гетман снимает осаду, содрав с горожан колоссальные контрибуции и отослав своим представителям на Сейме очень жесткие инструкции: плевать, о чем там спорят, но я хочу только Яна Казимира, брата нашего доброго короля Владислава, а если нет, продолжим разговор в Варшаве.

Выбирать панам не из чего. Волю гетмана приняли к сведению, и королем избран Ян Казимир, после чего Хмельницкий, торжественно вступив в Киев 23 декабря, отправляет новому королю послов с условиями мира. Отнюдь не ультиматум. Напротив. Он не требует, а верноподданно, по всей необходимой форме просит ликвидировать Брестскую унию или по крайней мере запретить униатам миссионерствовать вне Галиции, юридически зафиксировать право реестровых владеть землей на Левобережье (о, хутор Субботов!) и лишить этого права магнатов. Обратим внимание: пункты бо-

лее чем традиционные, ни о какой независимости речи нет, об освобождении «хлопов» тоже (реестровым на крестьян плевать, они их «кидали» всегда); новация разве что насчет магнатов – раз уж их владения захвачены, зачем отдавать?

Однако именно этот пункт «пропозиций» напрочь исключает возможность консенсуса. Посольство Адама Киселя, единственного православного сенатора Речи Посполитой и близкого друга Хмельницкого, вполне разделявшего его «довоенные» требования и имевшего полномочия соглашаться на «разумный компромисс», провалилось. Как, впрочем, и расчет гетмана на «своего» короля оказался ошибочным.

Ян Казимир не был трусом (трусов в роду Ваза не водилось), но, в отличие от равнодушного к высоким материям брата, был фанатиком. Младший сын, с детства предназначенный для духовной карьеры, имевший высокий церковный сан и снявший рясу по особому дозволению Ватикана, он считал своим христианским долгом окоротить «взбесившуюся схизму», тем паче что рынок ландскнехтов в связи с окончанием Тридцатилетней войны был переполнен спецами, а магнаты наконец-то готовы были раскошелиться.

Алеет Восток

Увы, вместо реванша случился песец. В очередной засаде близ Зборова огромная, на сей раз очень качественная польская армия терпит поражение, влезает в «мешок» и впада-

ет в панику. Самого Яна Казимира от плена спасает вмешательство крымского хана, решившего под сурдинку повоевать лично, пришедшего на поле боя со всей ордой и заставившего Хмельницкого мириться под угрозой удара в спину. Кстати сказать, рассуждения о том, что, дескать, «хан изменил украинскому союзнику», – чушь. Во-первых, в отличие от Тугай-бея и прочих, по традиции имевших право грабить кого угодно на пару с кем угодно, хан был монархом и никакой союз с удачливым бандитом, каковым юридически являлся гетман, между ними был немыслим. Речь могла идти лишь о вассалитете, и, значит, хан мог приказывать, не мотивируя. Но, что еще важнее, факт явления хана на поле боя означал, что поход согласован со Стамбулом; самостоятельности на таком уровне турки не прощали, и Ислам-Гирей хорошо знал о судьбе своих предшественников, забывших об этом. Стамбулу же было выгодно максимальное ослабление Польши, но не ее полный крах. Ибо крах вполне мог повлечь раздел бедняжки между Австрией и Россией, многократно их усиливающий.

В общем, став жертвой высокой политики, гетман был вынужден идти на переговоры, благо на сей раз слушали его очень внимательно. Но даже теперь, во второй (и последний) раз имея все карты на руках, Хмельницкий удивительно скромен. Согласно статьям Зборовского мира, подписанного 8 мая 1649 года, мятеж квалифицировался как реализация права подданных на «рокош» (законное восстание), а земли

Малой Руси выделялись (в рамках Речи Посполитой) в отдельную административную единицу, Гетманщину, с широкой внутренней автономией и выборными органами власти. Казацкий реестр (гарантия соблюдения договора) увеличился до 40 тысяч сабель. Фактически речь шла о преобразовании двуединой «республики» в триединую. Не могу доказать документально, но сильно подозреваю, что главным автором документа стал «канцлер» и alter ego гетмана Иван Выговский, действия которого в недалеком будущем будут направлены на реализацию идеи Великого Княжества Русского в составе Речи Посполитой. Но, что характерно, об отмене крепостного права в документе, как и 8 месяцев назад, нет ни слова. «Посполитых» в очередной раз кинули, и сам Хмельницкий дал по этому поводу исчерпывающее разъяснение: «Нехай кождый з своего тишится, нехай кождый своего глядит – казак своих вольностей, а кто не попал до реестру, тому доля воротытся до своих панив, працювати и платити володарям десяту копу»...

По итогам Зборовского договора в свои имения на *Periferia* стали понемногу возвращаться беженцы, чему крестьяне, успевшие разделить и землю, и панский скарб были вовсе не рады. Панов начали убивать, Варшава возмущаться, гетман, вполне довольный ситуацией, – вешать и сажать на колья нарушителей конвенции. В итоге по украинцам поползли песенки, звучавшие (в наиболее мягком варианте) примерно так: «Ой, бодай того Хмеля перша куля не минула,

а вторая устрелила, прямо в сердце угодила». Поскольку авторов разыскать возможности не было, на колья сажали исполнителей – бандуристов и прочих кобзарей. Однако рейтинг падал, и Хмельницкий, имевший воистину волчье чутье, это понимал. Как понимал и то, что на лаврах почивать рано. Зборовский договор, вполне устраивавший Хмельницкого, так и не был ратифицирован сеймом. Польша вовсе не считала ситуацию разъясненной окончательно. Она сосредотачивалась. Не спеша, учитывая все возможные варианты. В декабре 1650 сейм утвердил новый карательный поход, и ситуация сразу стала складываться не в пользу казаков. То ли, старея, гетман перестал ловить мышей, то ли Фортуна на сей раз слегка задремала, но летом 1651-го в двухнедельном сражении под Берестечком казачье войско потерпело тяжелейшее поражение. Белоцерковский договор оказался унижен и тяжок: реестр сокращался наполовину, до 20 000, казачью территорию ограничили до Киевского воеводства, шляхта получала обратно владения в полном объеме. Ничего удивительного, что по разоренному краю покатались восстания, и земля под гетманом, которому доселе прощалось все, поскольку ему в смысле везения не было альтернативы, закачалась. Со стихийными восстаниями на селе справиться, контролируя казачество, было не так сложно, но 20 000 «выписчиков» предпочитали смерть возвращению к полевым работам, и кому как не Хмельницкому было знать, что такое казачий костяк, обросший крестьянским мясом?

Но при этом Варшава, Белоцерковский договор, в отличие от Зборовского, ратифицировавшая по всей форме, требовала от вельможного пана гетмана скрупулезного выполнения обязательств хотя бы на подведомственных ему территориях гражданской войны, которая вовсе не факт, что оказалась бы успешной. И самое безотрадное, что – Хмельницкий был слишком умен, чтобы этого не понимать – в случае поражения деваться ему будет некуда. Для поляков он преступник, чьи деяния срока давности не имеют, и оказаться в их руках в качестве беглеца означает смерть, какие бы соглашения ни были достигнуты (впоследствии именно такая судьба постигла многих чересчур заигравшихся соратников гетмана). Прятаться в России, Крыму, Турции? Но после 10 лет практически абсолютной власти такая жизнь будет хуже смерти, тем паче что татары и турки вполне могут польститься на то, что эмигрант привезет с собой, а если не везти с собой ничего, то опять-таки разве это жизнь?

Спасите наши души!

Именно в это время, по свидетельству очевидцев, гетман, и раньше не бывший врагом зеленого змия, начинает закладывать за воротник чересчур, даже по казацким меркам XVII века. И как раз с этого времени принимается искать варианты, рассылая письма во все сопредельные страны, причем особенно не щадя Москву: там эпистолы из Чигирина

появляются чуть ли не раз в месяц. А вот переписка с Варшавой практически сходит на нет. Хмельницкий, идеально улавливавший все нюансы настроений в обществе, уже понимает, что, во-первых, новая война с Польшей неизбежна, и совершенно неважно, хотят ее поляки или нет, во-вторых, начать ее придется ему вне зависимости от желания, а в-третьих, прежде чем начинать, необходимо подыскать широкую спину, за которой в случае чего можно спрятаться. Таковых две – Москва и Стамбул. Но в Турции тяжелый политический кризис: только что удавили султана Ибрагима (кстати, первый, за год до Карла Стюарта, монарх Европы, не убитый втихомолку, а казненный по суду, за профнепригодность и антинародную политику), и вопрос о власти еще далеко не решен. К тому же Турция увязла в разборках с Венецией и Ираном. Да и народ за крымские шалости турок ненавидит почти так же, как ляхов. Молдова и Трансильвания – смешно. Помочь не помогут, а продать продадут. Иное дело – Москва, уже вполне оправившаяся от последствий Смуты. Там, конечно, прав и вольностей куда меньше, чем в Речи Посполитой, однако намного больше, чем в Турции. Опять же язык один, вера та же, гаремами там не балуются, в янычарах не нуждаются (своих хватает), никакой миграции голозадых дворян не предвидится: дай Бог не так давно приобретенное Поволжье освоить. И, наконец, «местные кадры» на Москве, в отличие от Польши, вполне уважают, будь это хоть татарские мурзы, хоть сибирские князьки. Короче гово-

ря, альтернативы нет. Проблема, однако, заключалась в том, что Москва вовсе не спешила обрадоваться и, рыдая, распахнуть объятия. Там крепко сомневались, нужно ли вообще враждовать с Польшей, тем паче за разоренную и крайне проблемную территорию с хоть и единоверным, но психологически надломленным населением. И Хмельницкий продолжал писать, распинаясь в самых теплых чувствах, прося, убеждая и всячески заинтересовывая думских сидельцев...

Тем временем случилось то, чего не могло не случиться. Война, которую не хотели ни поляки, ни гетман, но которой требовало огромное большинство «быдла», началась и пошла по совсем новым правилам. После того как на поле выигранной битвы под Батогом казаки поголовно перебили пленных, в нарушение приличий не позволив «союзным» татарам отобрать хотя бы способную заплатить выкуп знать, это была, собственно, уже не война, а резня на полное уничтожение. Народ украин *не желал* поляков ни в каком виде, кроме протухшего, а повторить ошеломительный успех 1648-го не было ни малейшей надежды. Как ни сладка была «воля», пришло время рискнуть и «лечь» под серьезного покровителя, выговорив максимум власти и влияния. Рассуждения гетмана были не всеми поняты и не всеми приняты. Кое-кто считал, что, дескать, прорвемся, другие, что если уж так карта пошла, то, пока мы в силе, почему бы все-таки не вернуться в лоно Речи Посполитой. На Тарнопольской раде 1653 года против «промосковской» линии выступили да-

же наиболее авторитетные соратники Хмельницкого, вроде Ивана Богуна, спасшего остатки армии под Берестечком. И все же гетману опять удалось все. Он сумел одновременно и «дожать» Москву, убедив ее в том, что не помочь «гибнущим православным братьям» нельзя, и доказать старшине, что попробовать стоит, поскольку дурные москали готовы помочь «гибнущим братьям» практически задаром.

И в самом деле, по итогам переговоров с правительством Алексея Михайловича казачеству предоставили все «привилеи», предусмотренные Зборовским трактатом. Более того, не только весь «старый уряд» был сохранен полностью, но в «статьи» было даже вписано право выбирать старшину и гетмана без консультаций с Москвой, всего лишь информируя ее о результатах, 85 % налоговых сборов поступали в гетманскую казну, а реестр увеличился до 60 тысяч сабель. Сверх того, разрешалось принимать иностранные посольства, то есть вести самостоятельную политику, за исключением враждебных к России государств. Короче говоря, Малая Русь становилась хоть и не самостоятельным государством, но чем-то гораздо большим, нежели обычный протекторат типа турецкой Молдовы или австрийской Трансильвании. Таким образом, новые украинские мифологи недалеки от истины, утверждая, что 8 января 1654 года в Переяславе было одобрено не «воссоединение», а всего лишь создание федерации. Но вот какое отношение имеет эта самая многократно поминаемая всеми кому не лень Переяславская Рада

ко всему дальнейшему, – уже совсем иной вопрос...

Глава III

Полный пердимонюкль

Ян, помнивший родство

Последним годам Хмельницкого, при всем их блеске, вряд ли стоит завидовать. Больной, судя по всему, не вылезающий из запоя, но все же, видимо, по привычке он продолжал интриговать, на сей раз втайне от Москвы, строя глазки шведам, целившимся на ослабленную Польшу. И умер в 1658-м, завещав булаву (непонятно, между прочим, с какой стати, поскольку пост был все-таки выборным, а не наследственным) сыну Юрию. Фактическая власть, однако, оказалась в руках Ивана Выговского, генерального писаря. То есть «министра иностранных дел» Гетманщины. Между прочим, ближайшего соратника усопшего, его свояка и, видимо, абсолютного единомышленника.

Человека этого, яркого и незаурядного, нынче считают либо героем и буревестником борьбы за «незалежність», либо, наоборот, дешевой, продажной шкурой, попытавшейся сдать полякам все завоевания Хмельницкого. А еще – вором, взяточником, негодяем и так далее. Истина, однако, никогда не бывает однозначна, а фигура, надо признать, была очень

неординарная. Явно не ангел: на лапу брал. Масштабно и у всех подряд. Не только брал, но и, подобно много позже родившемуся Талейрану, не стеснялся клянчить, а то и требовать. Ну и что? Все тогда брали. И сейчас берут. Вползание в элиту путем устройства «правильных» женитьб тоже не в упрек: браки в своем кругу (а желательно и выше) разумные семьи практикуют по сей день, тогда же это вообще было основой политических отношений. Понятно и стремление приближать родню и земляков: сколько ни называй сие кумовством, но любому руководителю нужны преданные люди, а кому и доверять, как не «родной крови» или друзьям детства? Говоря серьезно, человек, вне всяких сомнений, умный и ответственный (бессменный «канцлер», ответственный, кроме внешней, еще и за внутреннюю политику). Очень и очень образованный. Судя по летописям, непьющий, что по тем временам и местам равно чуду, или, по крайней мере, пьющий мало и без удовольствия. Кроме того, волевой, тактичный, сдержанный (кто имел горе плотно общаться с пьяными неврастениками, подтвердит, что «убалтывать» их куда как нелегко, а великий Хмель, неврастеник тяжелейший, да к тому же еще и алкоголик, одного Ивана Евстафьевича во хмелю слушал, и не просто слушал, но и подчинялся). С учетом того, что все «золотое десятилетие» Выговский трудился на серьезных постах в Комиссариате Речи Посполитой над Войском Запорожским, вполне вероятно, что был он тайным униатом (документов, кажется, нет, но православных в поль-

ской администрации не держали, а архивы в подобных случаях *post factum* чистят добела). Происхождения неказацкого, в Войско попал случайно, как пленный, но тем не менее был замечен, возвышен и оценен (не зря же любимую, единственную дочь гетман отдал именно за его брата, хотя имел склонность к бракам уровнем выше: сыну, скажем, сосватал аж молдавскую княжну). Даже после смерти гетмана был верен его памяти: наследника, Юрка, пальцем не тронул, как в то время водилось, и даже власть у него формально не отнял, так и оставшись гетманом «на то время», то бишь «врио». А что взял полноту власти на себя, отослав парнишку учиться, так это самому же мальцу было лучше, чем, как вышло с его ровесником Ричардом Кромвелем, служить марионеткой для реально правящих кланов, да и надо ж было юному гетманичу иметь образование.

Что же до политики, то как хотите, но для меня совершенно несомненно: Выговский, против своей воли оказавшись среди мятежников, хоть и оценил по достоинству выгодные аспекты сложившейся ситуации, своим статусом «бунтовщика» тяготился, считая идеальным вариантом завершения войны признание конфликта гражданским и почетного примирения. И в этом, несомненно, полностью сходилась с Хмельницким, до последней возможности делавшим максимум для того, чтобы заставить элиту Речи Посполитой перейти от «двуединой» федеративной системы к «триединству», а старт «московскому проекту» дал лишь после Бато-

га. Когда стало ясно, что война пошла на уничтожение, а сам он для поляков стал даже не врагом номер один, а воплощением зла, причем на многие поколения вперед. У Выговского такого ограничителя не имелось. Он, напротив, был своего рода «жертвой жестоких обстоятельств», так что говорить с поляками мог безо всяких предубеждений. И, несомненно, говорил. Скорее всего, с ведома Хмельницкого. Имея для этого, как руководитель не только дипломатического ведомства, но и разведки, во все времена тесно связанной с дипломатией, массу возможностей как официальных, так и не совсем и совсем не. Говорил, скорее всего, о том, что «домашняя война» – трагедия для всей семьи, что судьба Руси (что такое Украина, он знать не знал) на западе, а не на востоке. Не в варварской, то есть Москве, где самый обычный «рокош» против царя считается государственным преступлением, где у хлопов есть какие-то права и даже у бояр совершенно нет секса. Короче говоря, ни о каких намерениях «изменить русскому царю» речи быть не может, поскольку Иван Евстафьевич клятву, по воле обстоятельств и гетмана данную в Переяславе, действительной, безусловно, не считал. Тем паче что Москва сквалыжничала: новый гетман, приняв булаву, по-человечески попросил Царя-батюшку дать сколько-то имений в России, а сквалыжная Дума, хотя просьбу уважила, но не в той мере, в какой хотелось челобитчику. Так что, подписывая известный договор в Гадяче, возвращающий мятежную Малую Русь «под корону», умни-

да «на тот час гетман» имел все основания гордиться собой.

В самом деле, если политика – искусство возможного, а он, по сути, сумел сделать то, чего не удалось и Хмельницкому на пике успехов – выторговал у Речи Посполитой не просто максимум возможного, но даже сверх того. Шляхта получала реституцию имений, но и казачество приобретало право на землю, а старшина сохраняла имения, взятые по праву войны. Католикам дозволялось жить на территории Малой Руси, но униатство и миссионерство запрещались напроочь, а православная церковь уравнивалась в правах с католической (и, зная хватку святых отцов, можно уверенно утверждать, что сильно разгуляться «папезникам» бы не дали). Территория, подведомственная гетману, вновь возвращалась в границы, очерченные в Зборове, что перечеркивало позорный Белоцерковский пакт, восстанавливая утраченное Хмельницким. Самое же главное (на это мало кто обращает внимание, а зря), «Великое Княжество Русское», о котором идет речь в документе, это не какая-то расплывчатая, существующая лишь *de facto* «Гетманщина». Это статус, писанный, признанный, реальный и легитимный. Сильно поумнев, Варшава дает «добро» на то, что раньше категорически исключала, признавая, что отныне Речь Посполитая может существовать только в качестве уже не двуединой, а триединой федерации, одна из составных частей которой исповедует православие. Более того, само понятие «княжество» подразумевает сословную реформу. Раз есть «князь» (по факту

им, как и князем литовским, становится пан круль), то есть и соответствующая социальная структура. Проще говоря, казаки наконец-то обретают легитимный статус, из непонятно кого становясь дворянами, той самой православной шляхтой, которой раньше быть не могли по определению. Конечно, идеала не бывает, крестьянство, например, проигрывало по всем статьям, оказываясь не просто в положении «до событий», а в гораздо худшем. Но интересы «быдла» старшина, в том числе и Хмельницкий, в счет не брали никогда, а казаки как раз от этого пункта выигрывали, вместе со шляхетством получая и крепостных. В общем, Выговский совсем не зря держал его до времени в секрете от «народных масс», позволив огласить только в критический момент – на роковой для себя Гармановской Раде, как джокер, перебивающий все козыри. Однако просчитался, и без ответа на вопрос «почему» двигаться дальше не получится.

В скобках

Будем честны. Прежде чем продолжать, поставим себя на место Ивана Выговского и зададимся вопросом: а вдруг все не так просто и никто присягу не нарушал? Вдруг Войско Запорожское было вовсе не только казацким войском Сечи, а уже некоей «преддержавой», в которой уже начали складываться свои внутренние отношения, начался процесс формирования нации? Если так, то сводить проблему к присяге

какой-то группы людей внешнему суверену, конечно, нельзя. Но так ли это?

Давайте разбираться.

Что произошло в начале 1648 года на «крессах сходных» Речи Посполитой?

Однозначно: мятеж военного сословия (*Его Королевской Милости Войска Запорожского*), недовольного тем, что оно, честно выполняя обязанности, по идеологическим причинам (православное вероисповедание) поражено в правах по сравнению с аналогичным, но «идеологически правильным» сословием.

Выступало ли это сословие представителем интересов всего населения региона?

Идеологически (конфессионально) – бесспорно. Политически – ни в коем случае. Требуя «декатолизации» православных областей, элита военного сословия предполагала всего лишь упрочить свой достаточно подвешенный статус, уравнив себя со шляхтой во всем, в том числе и в праве на владение крепостными. Хотя, отдадим должное, при этом умело использовало социальную демагогию, провоцируя максимально большую дезорганизацию мятежных территорий, что, естественно, затрудняло подавление бунта.

Чего добивалась сословие?

Равноправия со шляхтой, гарантированного самоуправления православных регионов, то есть максимум преобразования двуединой федерации в триединую; вопрос об учре-

ждении национальной государственности не ставился вообще и не мог быть поставлен даже теоретически, поскольку само понятие «нации» возникло гораздо позже.

Таким образом, события 1648 года были классической *bellum civile*, гражданской войной. Строго говоря, даже войной «внутри сословия», в итоге которой победа диссидентов была зафиксирована Зборовским соглашением 1649 года. Это соглашение, полностью устраивающее мятежную элиту, продержавшись совсем недолго, было ею же нарушено, поскольку не учитывало интересы большинства мятежников, и элиты были в полном смысле слова вынуждены действовать во вред себе. Они вешали и сажали на кол «хлопов», не желавших подчиняться возвращающимся в свои имения полякам, но до определенного предела. А затем вопреки собственным интересам оседлали волну протеста, который не могли подавить. Ибо в противном случае либо были бы сметены стихией, либо, утратив социальную опору, были бы взяты сметены. На мой взгляд, ситуация полностью аналогична печальной памяти «пост-Хасав-Юрту», когда умеренным лидерам «Ичкерии» пришлось разворачивать войну, начатую вопреки их воле экстремистами, точно так же, как Хмельницкому пришлось нарушить условия Зборовского мира и начать военные действия, завершившиеся позором Берестечка. И, соответственно, стать не лидером «субъекта договора», отстаивавшего свои права силой и амнистированного, но паханом банды явных государственных преступни-

ков, с которыми, коль скоро законная власть сумела накопить силы, уже не было нужды церемониться. Собственно, то, что Войско Запорожское не было обнулено после Берестечка, то лишь из-за вмешательства внешних сил: Москва жестко требовала компромисса с православными, а Крым не желал полного уничтожения инсургентов, поскольку не был заинтересован в стабилизации Польши. Однако мир был уже химерой: если Зборовский договор – солидное, серьезное соглашение, которое поляки позже будут брать за основу, пытаясь перекупить лидеров сословия, то Белоцерковский 1651 года – филькина грамота, которую никто соблюдать даже не собирался.

С этого момента пути назад для элиты сословия уже не было. Гражданская война плавно перешла в бойню на уничтожение с элементами геноцида, причем начало процессу положило (под Батогом) восставшее сословие с подачи элит, стремящееся повязать всех кровавой круговой порукой. Если раньше с пленными поступали в соответствии с нравами и нормами эпохи, теперь поголовное уничтожение вместо показательной репрессивной акции становится системой. В ответ на что власти начали действовать в рамках уголовного кодекса, а бандиты (именно так!), не в силах устоять перед мощью государства, принялись искать помощи за рубежом. Но вот какую именно, на каком основании и в каком качестве? Юридически-то они по-прежнему подданные Короны, чего и не думают отрицать и хлопочут об измене-

нии подданства при сохранении сословного статуса и привилегий. И ни о чем больше. Ни о какой «державе» или хотя бы «преддержаве» речи нет. В достаточно обильной документации речь идет только о *Войске*. Сословие в рамках своего, «военно-демократического» понимания искало нового суверена, как некогда, согласно «Хеймскрингле», дружины викингов, убегавшие из Норвегии от чересчур жестко наводившего порядок Хальфдана Черного.

Любопытно вот что. Выговский – как ни крути ученик иезуитов, полиглот, интеллектуал, владелец огромной библиотеки. Помышляй он о собственной державе или хотя бы о провозглашении некоей «нации», эта идея, бесспорно, была бы хоть как-то отражена в его знаменитом «Манифеста». А этого нет. Именно потому, что книжнику-гетману было очевидно: такое невозможно, поскольку не может быть. Законы, традиция и цвет юридической мысли того времени, от Базена до Гоббса, о государственности говорят предельно четко. Государство не может возникнуть с бухты-баракхты. Только на основе «народного соглашения» и в форме монархии, «*Волей Божьей*» воплощающей в себе государственный суверенитет. Или в форме республики, но опять-таки основанной на «народном соглашении». Второй, казалось бы подходящий, вариант уже был тогда апробирован: издавна в Швейцарии, с недавних пор – в Голландии и аккурат в описываемое время – в Англии, но, увы, не подходил по двум причинам. Во-первых, для учреждения республики мало вы-

раженной воли одного сословия, необходимо солидарное решение «общин». То есть и казаков, и мещан, и духовенства, и крестьянства. А собирать что-то типа парламента или Земского Собора, в отличие от казацкой рады, имеющее право решать подобные вопросы, лидеры мятежников не собирались. Прежде всего потому, что даже не догадывались о существовании такого варианта. Но если бы и догадывались, все равно не стали бы. Ибо на этом самом «парламенте или Соборе» крестьянство неизбежно потребовало бы себе тех же прав, что и военное сословие. Земли, так сказать, и воли. Что никак не устраивало старшину, сражавшуюся именно за землю (и соответственно, за крепостных). Но и пренебречь этим естественным требованием старшина никак не смогла бы, поскольку речь шла не просто о «быдле», а о «быдле» многочисленном и вооруженном. Иными словами, «республика общин», как в Швейцарии или Голландии, противоречила заветным планам казацкой элиты, а «республика элит», как в Венеции или той же Польше, неизбежно спровоцировала бы жесточайший бунт (гражданскую войну), чем не замедлили бы воспользоваться поляки. И наконец, юридическим фундаментом республики могли быть либо ссылки на традиционные, общинные ценности (Швейцария), либо «*Волю Божью*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.